

Рязанцев Павел

Запах из
соседнего номера

Павел Владимирович Рязанцев

Запах из соседнего номера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68298860

SelfPub; 2023

Аннотация

Тёплая бухарская ночь таит в себе немало опасностей как для местных жителей, так и для туристов. Ни взрослые, ни дети не застрахованы от удушающих пут чёрной магии, творимой сумрачным разумом. Разумом, что не знает угрызений совести и не остановится ни перед чем ради достижения своих целей. Как алчность может лишить самого ценного? До чего доводит похоть? Есть ли чувство более сильное, чем отчаяние? Ответы на эти вопросы уже давно витают в воздухе. Нужно лишь прислушаться к своим ощущениям...

Содержание

1	4
2	13
3	17
4	22
5	27

Павел Рязанцев

Запах из соседнего номера

1

Ночь в пустыне всегда наступает внезапно. Казалось бы, в семь вечера между оранжево-розовым диском вечернего солнца и рябящей линией горизонта ещё довольно большое пространство, и вдруг – словно разом задули все свечи. Впрочем, не все, а лишь небесные. В городе-то по-прежнему светло.

С наступлением темноты жизнь в нём только начинает закипать.

Из полудюжины гостиниц на Хакикат, главную улицу Старой Бухары, высыпались сотни туристов, блестя голыми лодыжками и лоснящимися загорелыми лицами. Вся эта бубнящая и пищащая на русском, немецком, английском и узбекском языках масса выплеснулась на ошетинившуюся бликами мостовую и наводнила всё, что можно было наводнить. Перед прилавками с воздушной кукурузой выстроились очереди из взрослых с нетерпеливо дёргающимися детьми; в ресторанах рядом с прудом и каналами расселись девичьи компании, щебечущие о местной одежде; мужчины же обступили памятник Ходже Насреддину.

Великая красота, доступная всем, но трогающая немногих.

Гул ночной жизни не принёс радости семье Сардора сегодня. Из окна старенького дома, в котором проживали сам Сардор, его жена Асмира и их дети Азиз и Мадина, открывался вид на потрескавшуюся каменную стену точно такого же обиталища.

Сардор ждал. Сидел на скамье, защищённый от холода хмурыми стенами, и ждал. Во взгляде Асмиры, мывшей посуду после ужина, упрёк смешался с беспокойством. Восемилетняя Мадина молча зашивала братику прореху в рубашке, пока шестилетний Азис отстранённо глядел в стену. Он не знал причин, по которым отец был не в духе весь вечер и весь предшествовавший день, но мрачно-апатичное ожидание оказалось заразительным, и мальчик следовал примеру перед глазами.

– Не надо было соглашаться, – Асмира устала повторять эту фразу словно заевший старый магнитофон, но та сама вырвалась вместе со вздохом, исполненным сожаления. – Аллах свидетель, оно того не стоит.

– Аллах свидетель, нам нужны её деньги, – угрюмо пробормотал мужчина, мельком взглянув на жену.

Та не ответила, лишь опустила глаза и вернулась к своему занятию. Всё, что можно было высказать, не единожды высказывалось в течение дня.

– Может, лучше было бы отправить детей к твоей маме?

Детей, разумеется, не спрашивали, желают ли они погостить этим вечером в доме на соседней улице, но их ответ был вполне предсказуем. Не зная даже, что повергло родителей в такое уныние, Мадина была совсем не против вывести Азиса – да и себя тоже – из-под сгущавшихся над домом туч куда подальше.

– Может быть... – неопределённо протянул Сардор, как вдруг в дверь постучали. Всё семейство замерло – от неожиданности и от смутного ощущения чего-то рокового. Чего-то, что разделит жизнь на «до» и «после».

Несколько неуютных секунд спустя стук повторился. Выйдя из недолгого замешательства, Асмира выразительно взглянула на мужа и кивнула на дверь.

«Давай, открывай! Это ведь твоя затея!»

Мадина с плохо скрываемой тревогой взирала на черневший в стене прямоугольник двери и робко, страхась лишней раз даже моргнуть, попятилась вглубь комнаты, пока не очутилась позади брата, нервно сцепившего руки. Тот, ощутив на плечах тоненькие руки сестры, невольно накрыл одну из них ладонью. Отец медлил. Боялся. Значит, есть чего бояться. Вернее, кого.

Сардор осторожно, почти крадучись приблизился к двери и потянулся к замку. Опустив руку на щеколду, мужчина прислушался. Возможно, он надеялся услышать посетителя, его нетерпеливое сопение и раздражённое ворчание. Возможно, он дожидался новой серии ударов колотушки о лаки-

рованное дерево, хотел удостовериться в серьёзности намерений посетителя. Возможно... Но правда такова: в глубине души он лелеял по-детски наивную надежду, что это лишь шумная возня бездомной собаки, случайно забредшей к ним во двор, и больше никаких звуков из-за двери не раздастся.

– Открывай! – шикнула Асмира, перебираясь поближе к детям.

Неопределённость оказалась слишком тяжёлым испытанием для натянутых нервов.

Обречённо вздохнув, Сардор отворил дверь.

На голубоватом от небесного света пороге стояла человеческая фигура. Зловеще молчаливый силуэт в полутьме казался кровожадным призраком с глазами, горящими мёртвым пламенем, но Мадина сумела разглядеть колеблющиеся на меланхоличном ветру складки то ли паранджи, то ли плаща.

Сардор не нашёл слов, чтобы поприветствовать пришельца. Когда это чёрное привидение приблизилось к мужчине, он невольно отступил и, зацепившись за дверной порог, едва не ввалился в дом затылком вниз, чем напугал свою семью до одновременного вскрика. Обошлось.

Безразличная безмолвствовавшая фигура степенно проплыла в освободившийся проход; лишь танец складок тёмных одежд в мягком серебристом свете, выдававший движение ног, доказывал испуганному семейству, что это лишь человек из плоти и крови, а не джинн или иное порождение

кошмарного шайтана пустыни. Это слегка успокаивало.

Войдя внутрь, чужак закрыл за собой дверь. Капюшон, как теперь стало ясно, плаща надёжно скрывал лицо от глаз. В неосвещённой прихожей посетитель легко мог бы слиться с дверью. Отчасти поэтому на подоконнике стояла старая масляная лампа, хотя уже довольно давно она служила скорее украшением, чем светильником.

«Надо было зажечь свет, – запоздало спохватилась Асмيرا, бросая суевающийся взгляд на крошечное оконце рядом с выходом».

Масло со шнуром были на своих местах и в хорошем состоянии, но вряд ли ночной визитёр мог заметить похожий на потускневший жестяной чайник сосуд, не то что догадаться о его предназначении.

Гость отбросил капюшон, и кроме пары мрачных серых глаз хозяева могли наблюдать гриву чёрных волос, окаймлявших бледное, словно вырезанное из гранита лицо. Исполненный то ли презрения, то ли безразличия взгляд заставил Сардора отступить к семье, пока незнакомка шарила по подоконнику в поисках светильника.

Никто не заметил, чтобы у женщины хоть на секунду в руках появилась спичка, и не слышал характерного треска, однако факт остаётся фактом: уже через мгновение незнакомка держала в руке горящую лампу. Вспыхнул ли шнур, когда светильник ещё стоял на подоконнике, или это произошло уже в руках визитёрши, ни глазастая Мадина, ни Асмир, ни

их родители сказать бы не смогли.

Понимая, что из ступора своими силами муж может и не выйти, Асмира рискнула проявить инициативу.

– Добро пожаловать! – робко вылетело из её рта.

Парализующий взгляд с холодной злобой вперился в узбечку, зароня в душу раскаяние в столь необдуманном шаге. Со стороны казалось, что незнакомка намерена приблизиться и придушить свою жертву, упиваясь предсмертными хрипами последней под испуганные крики окружающих.

Дети всхлипнули. Жуткая женщина мельком взглянула на малышей и неожиданно ослабила хватку. Теперь её внимание сосредоточилось на них. На мрачном, но по хищному красивом лице появился интерес, который был непонятен Мадине и Азису. Он и вывел главу семейства из оцепенения.

– Я... Я всё приготовил! – выпалил Сардор и добавил шёпотом: – Не трогай их.

Ещё с две секунды женщина, наклонив голову, глядела в сторону трясущихся мелкой дрожью детей, но не на них, а как будто сквозь них, словно размышляя о чём-то или вспоминая. У Мадины пересохло горло, а напуганный Азис чуть ли не обнял сестру, прижимаясь к ней, как измождённый путник к столбу. Наконец, эта недолгая, но изматывающая попытка прервалась. Незнакомка резко изменилась в лице и с неожиданной прытью подошла к взрослым.

В серых глазах блеснул вопрос, и его не требовалось озвучивать. Сардор бросился к пыльному шкафу и принялся ли-

хорачдошно рыться в сваленном на дно платьевогo сегмента тряпье. Во все стороны летели обрывки потерявшей цвет ткани и беспорядочных фраз. Сумрачная женщина не сводила взгляда с перепачканной футболки, но мать с детьми по-прежнему боялись лишней раз пошевелиться, словно незнакомка видела всё, что происходило у неё за спиной.

– Вот! Всё здесь! Вот!

В уши врезался раздражающий звук стучащих по полу колёс. Тусклый свет лампы выхватил из тьмы контуры грязно-коричневого чемодана. Свыше метра высотой, эта пропахшая пылью глыба могла вместить, не будь она сейчас загружена чем-то объёмным и массивным, Азиса, а если очень постараться, то и его сестру. Бок чемодана топорщился – из него, едва не прорезая в одряхлевшей ткани дыру, выпирало нечто твёрдое и угловатое.

– Очень торопились, – оправдывался Сардор.

На секунду его лицо озарилось привычной извиняющейся улыбкой, как если бы сейчас был день, а он стоял за прилавком и объяснял возомнившему себя гениальным купцом туристу, почему нельзя продать шафран дешевле. Женщина в чёрном расстегнула молнию на чемодане и, бегло осмотрев содержимое, застегнула обратно. Кажется, всё было в порядке.

Мадина заметила, как вспыхнули глаза родителей, когда незнакомка извлекла из недр плаща целлофановый свёрток. Мать просияла, отец тоже повеселел. Девочка вспомнила

недавний диалог, и вопрос о содержимом свёртка отпал.

Незнакомка наклонилась к Мадине и, пристально глядя девочке в глаза, приложила палец к губам, после чего опустила ладонь на ручку чемодана и собралась уходить. Не успела она дойти до двери, как Сардор с Асмирой убежали вглубь комнаты – проверять содержимое пакета. Слишком увлечённые пересчётом богатства, чуть ли не свалившегося на них с неба в момент нужды

(«Не могу поверить, что эта ослица так дорого оценила дедушкино барахло!»),

они не заметили, как женщина в чёрном, пересекая порог, обернулась и поманила Азиса пальцем.

Мадина сама не понимала почему, но вместо того, чтобы позвать Азиса, маму или пронзительно завизжать, она замерла и молчала, будто беспристрастно наблюдала за тем, как её братик робко, но послушно затрусил за незнакомкой.

Дверь захлопнулась. На полу неровно горела лампа.

Мадина почувствовала, как холод, зародившийся в желудке, распространился по всему телу. Она попыталась осмыслить случившееся, соотнести его с окружавшей её реальностью, но родители, продолжавшие пересчитать купюры номиналом в сто тысяч сум, сводили все усилия на нет. Девочка закричала, но внезапно её глаза округлились от ужаса.

Она не услышала собственного крика!

«Нет... Нет!!!»

Мадина бросилась к родителям и крикнула снова, изо

всех сил размахивая руками, но тщетно: звука не было. Родители заулыбались как верблюды: «Ох, как она радуется! А мы-то как рады, ты не представляешь!»

– Мама! Папа! – силилась выкрикнуть девочка и тыкала пальцем в сторону двери, но слова словно раздирали горло изнутри, а родители не понимали смысла жеста.

– Да, хорошо, что эта ведьма ушла!.. – и продолжали считать деньги.

Задышавшись, Мадина выбежала во двор и затравленно огляделась в отчаянной попытке увидеть брата и эту жуткую женщину. Улочка оказалась пуста, и девочка бросилась в сторону освещённой ночными огнями туристической зоны, совершенно не подумав, что похитительница могла завести маленького Азиса в глубины города, в настоящий лабиринт из узких улочек и глухих тупиков, где заброшенных домов больше, чем жилых...

С всё нараставшим отчаянием Мадина вглядывалась в лица и спины прохожих. С каждой секундой надежда найти маленького Азиса становилась всё меньше, но – о чудо! – Мадина заметила вдалеке чёрное покрывало плаща, по одну сторону от которого катился невзрачный чемодан, а по другую – зачарованно шёл братик.

«Я должна спасти его!»

– Ну и где кровать?

Заходящее солнце разливало свой розово-красный свет по внутреннему двору, но до окон номера его лучи доставали с трудом. На самом деле, эти отверстия чуть выше порога и окнами-то назвать язык не поворачивался, скорее бойницами, которые кто-то додумался застеклить. Архитекторы былых времён, конечно, не могли и подумать, что возведённое ими медресе спустя века превратят в колоритную гостиницу, а в тёмных и тесных помещениях с выходом во двор обустраивают жилые комнаты с ванными, а также прачечную, столовую и ресепшен.

Тем не менее, «Амулет» пользовался значительной популярностью, и Саша с Алиной, не долго думая, выбрали его в качестве опорного пункта на время пребывания в Бухаре. В конце концов, есть ли смысл приезжать в один из известнейших исторических центров Узбекистана, чтобы жить в обыкновенном отеле?

– Как где? Да вот же!

Проследив за рукой подруги, Саша действительно обнаружил придвинутую к стене кровать, да ещё и с вышитыми на покрывале мудрёными этническими узорами.

«Напоминает настенный ковёр в бабушкиной квартире». У изголовья стояла резная тумбочка с настольной лампой,

прайс-листом прачечной, крохотной бумажкой с паролем от вай-фая и...

– Ого! – Алина спешно разулась и босиком побежала по каменному полу, покрытому не самыми новыми и слегка выцветшими коврами, к тумбочке.

На ней, кроме перечисленного, красовался поднос с сервизом с характерным бело-синим орнаментом «пахта». Часть подноса, не оккупированная сервизом, была отведена под треугольные лоточки с наватом, вареным в сахаре арахисом, джутом и парвардой. Не удивительно, что девушка совсем не обратила внимания на одноразовые белые тапочки на крышке сундука у входа.

Пока Алина пробовала местные радости, Саша освободился от пыльных шлёпанцев, с трудом натянул на ступни узкие тканевые чехлы, по чистой случайности названные тапочками, и попытался понять: что же с этой кроватью не так?

Несвежее бельё? Да нет, из-под покрывала скромно выглядывала белоснежная простыня. Может, не по росту? Было бы странно, ведь Саша не такой уж долговязый. Клопы или тараканы? Вряд ли...

– Не зевай, а то ничего не достанется! – легкомысленно блеснув голыми ляжками, Алина вальяжно развалилась на кровати.

Как раз напротив той, что Саша так внимательно разглядывал.

«Однospальная, зараза, – наконец осознал парень и пока-

чал головой, пытаюсь краем глаза увидеть, чем занята его девушка: та крутила в руках пульт от висевшего на стене телевизора. – И ещё эта дурацкая тумба прямо между койками...»

– Что-то не так? – Алина оставила пульт в покое и придвинулась к тумбе, чтобы разлить чай по чашкам.

Сладостей на подносе всё ещё было в избытке.

– Всё нормально, – Саша улёгся на свою кровать и устало оглядел противоположную часть комнаты.

На другой стороне зиял дверной проём. Ванная комната. Судя по бликам на плитке и отражению в зеркале над раковиной, довольно большая, даже больше спальни с коридором. И всё это в их с Алиной распоряжении? Недурно!

Пока Саша высматривал в черноте контуры душевой кабины или ванны, Алина распаковывала чемодан и ворошила пакеты с одеждой и бельём. После двух утомительных часов езды в «жигулях» из Карши в Бухару неплохо бы переодеться во что-нибудь сухое и менее пахучее.

– Сейчас ополоснусь, и пойдём смотреть Пои-Калян! – Алина не стала брать с собой полотенце, прекрасно понимая, что с такими вещами у отеля всё в порядке – она читала отзывы.

Длинноногой девушке так шли мини-шорты, что Саша невольно привстал с кровати. Возникло сильное желание проследовать за Алиной и разделить с ней душевую кабинку, но дверь за её спиной закрылась, и замок многозначительно

щёлкнул. Похоже, довольствоваться предстояло лишь смазанным силуэтом в непрозрачном стекле на двери.

«Эх, Алинка, Алинка... – расстроился Саша и опустил голову на подушку, ощущая, как его собственные шорты становятся тесными. – Лето, тепло, Восток, загорелые ножки на солнце сверкают... м-м-м... И вдруг – одноместные кровати! Зачем так со мной?»

Потратив минуту на разглядывание скучного потолка, Саша перебрался на соседнюю кровать и включил телевизор. Российских каналов оказалось больше, чем местных.

В дороге разморило, да и бурчание с экрана убаюкивало. Саша задремал, а когда очнулся, Алина уже стояла над ним в майке с шортиками, широкополой шляпе и солнцезащитных очках.

– Ну что, идём?

– Идём, идём... «Куда идём мы с Пятачком?»

– Ха! «Большой-большой секрет»!

3

Женщина вкатила чемодан в номер и, дождавшись, когда мальчик минует порог, заперла дверь. Словно очнувшись от транса, Азис растеряно озирался, пытаясь понять, где он и почему рядом нет его родителей и сестрёнки. Освободившись от плаща, хозяйка номера открыла чемодан и начала выгружать его содержимое на стол.

Оказавшись у изножья кровати, Азис посмотрел на стол из-за облачённой в тёмно-серую рубашку-поло спины. Теперь там лежало множество толстых и пыльных книг с непонятными названиями, отдельные листы, инструменты, флаконы с разноцветными маслянистыми жидкостями и какие-то порошки. Папа никогда не скрывал от Азиса, что и как он делает с растениями, чтобы получать специи на продажу, и мальчик точно видел у него ступку с пестиком, очень похожие на те, что лежали на столе. Только у папы они были деревянные, а эти как будто вырезаны из камня.

«Может, эта тётя – папина кал... кол... коллега? Тогда почему я здесь?»

Вдруг женщина прервалась.

«Ты уйдёшь домой, когда я удостоверюсь, что твой отец не обманул. – Азис не мог понять, раздался ли низкий женский голос со стороны этой мрачной тёти, или же прозвучал лишь в его голове, словно фраза из недавнего воспоминания. – Ес-

ли не обманул...»

– Папа хороший, он не обманывает! – воскликнул ребёнок.

Ответа не последовало, но Азис заметил, как продолжившая перебирать и перелистывать книги женщина вздохнула.

– Тётя, можно мне попить?

– ...

– Пожалуйста! – жалобно протянул мальчик.

После недолгой паузы хозяйка номера оставила книги и направилась к стоящему в противоположном углу комнаты холодильнику. На то, чтобы взять оттуда пол-литровую бутылочку воды, понадобилась лишь пара секунд, но их же хватило и Азису, чтобы взгляд его загорелся, рот наполнился слюной, а желудок мучительно скрутило. В недрах дальнего потонка погребов хранились истинные сокровища: сыр, ветчина и масло, инжир и нектарины в синем и зелёном целлофановых пакетах, тарелка с виноградом, тёмная стеклянная бутылка и, конечно же, несколько пластиковых бутылочек, точно таких же, как у незнакомки в руке.

Перехватив восторженный, но полный горечи взгляд ребёнка, женщина остановилась. Подумав ещё с секунду, она вернулась к холодильнику и взяла оттуда тарелку с виноградом.

Пока ребёнок шумно осушал бутылку, Тёмная Анна, си-

дя в плетёном кресле, молча наблюдала, как подёргиваются детские горло и живот во время питья и ловила быстрые, чуть пугливые взгляды в свою сторону.

«Интересно, был ли у меня такой в прошлой жизни?»

– Хочешь? – Анна покосилась на тарелку с «дамскими пальчиками».

Дитя нетерпеливо закивало.

Анна сорвала виноградину и поднесла ко рту Азиса. Преодолев нерешительность вперемешку со смущением, мальчик приоткрыл рот. Горячее дыхание жизни заставило Анну вздрогнуть, и она продержала свои бледные пальцы во рту ребёнка чуть дольше, чем было необходимо. Азис раздавил виноградину и ощутил на языке липкий сок.

– Нравится?

– Нравится.

– Сладко?

– Сладко.

– Сладко... – задумчиво повторила Анна, отводя взгляд в сторону, словно вспоминая что-то.

Но ребёнок вновь её окликнул.

– Почему у тебя такие холодные пальцы?

– Я играла со Смертью, а у неё холодные руки. Это заразно.

– Разве ты не можешь согреться?

Анна криво улыбнулась и сорвала ещё одну виноградину. Азис с готовностью открыл рот. Тёмная снова пронесла плод

за зубы мальчика, но вела себя при этом по-другому. Медленно и аккуратно, повторяя своими губами движения губ Азиса, словно мать, кормящая младенца с ложечки – это то, что можно было бы увидеть со стороны. Но лишь мальчик мог почувствовать, как кормившие его пальцы ласкались о влажный язык и нежные губки; с каким напряжением Анна возвращала пальцы наружу, как смотрела на тёплое, словно свежая рана, горло. Как, сама того не замечая, облизывала собственные губы.

«Много ли эссенции я смогу добыть из него?.. Впрочем, он совсем ребёнок, у него и железы ещё толком не работают».

– Тебя когда-нибудь любили? – Анна запустила свои по-прежнему холодные пальцы в короткие чёрные волосы мальчика.

– Меня любит мама, и папа, и бабушка. И сестра, – неуверенно перечислил Азис, стараясь убрать голову из-под ладони чужой ему тёти. – А тебя?

– Добровольно – нет. Обычно.

Щекой и мочкой уха Азис ощутил прикосновение сухих губ и шершавого языка.

В горле мальчика встал ком.

– Не хочешь принять душ? – шёпот лился ему в ухо вместе с неровным дыханием. – У меня столько горячей воды, сколько ты захочешь.

Сознание Азиса оказалось мухой в липкой паутине ги-

гантского паука. Язык с трудом шевелился из-за приторного виноградного сока, в желудке словно начался сквозняк, стремительно поднимавшийся к рёбрам. Как будто что-то внутри разорвалось. Внизу живота похолодело.

– Я не... я не...

Или это были её холодные пальцы?

– Тс-с-с...

4

Пока женщина в чёрном и Азис пробирались сквозь толпу ночных гуляк, Мадина разрывалась между страхом за брата и страхом перед его похитительницей. Нельзя было упустить их из виду, но даже если она их и догонит, то что она сделает? Нужна помощь взрослых, и Мадина кидалась ко всем, кто только попадался на пути. Однако...

Раз за разом потоки детского сознания разбивались о гримасы замешательства. Казалось, посреди дороги разыгралась какая-то жуткая в своей дикости пантомима. Девочка с выпученными глазами хваталась за горло, нервно кивала в сторону дороги и заламывала руки, словно умоляя пойти за ней, но не то что не произнесла ни единого слова – она не издала ни единого звука. Туристы сочли за благо не задерживаться рядом с беспризорницей, дети с родителями оглядывались на неё, а одна старушка даже попыталась всучить Мадине тысячу сум, но девочка лишь закатила глаза и убежала.

«Не поможет! Никто мне не поможет! Она ведьма! Она меня заколдовала!»

Ноги Мадины налились тяжестью. Колени сами собой подогнулись, а губы растянули в гримасу отчаяния. Пазухи носа ощущались как две крохотные дождевые цистерны, в которые долгое время стекали капли, и вот теперь вода поднялась до краёв. Мадина согнулась в беззвучных рыданиях

и опустила на колени, закрывая лицо ладонями. Горячие капли тихо проливались на пыльные плиты.

«Помогите же мне! Помоги-ите же мне-е-е!!!»

Порыв ветра бросил в лицо горсть пыли. В глазах защемило ещё сильнее. Хотелось разреветься, но звук застрял в гортани. Казалось, что поразившая Мадину немота распространилась на всё вокруг; только что шумевшая музыка стихла, голоса перешли в тихий бубнёж на грани шёпота; отзвуки шагов потеряли гулкость, словно под ногами у сотен людей не асфальт и каменные плиты, а спортивные маты.

На фоне увядающего, чем-то напоминавшего белый шум в сломанном телевизоре, мира яркой вспышкой высветилась мысль:

«Они мне не помогут».

– Азис... братик...

Упёршись ладонями в землю, Мадина проползла на четвереньках около метра, оставляя под собой слёзный след. В этой отчаянной попытке сбежать от реальности она бы проползла ещё не один метр, но коленка угодила в выбоину. Боль заставила девочку всхлипнуть, но каверны под глазами уже опустели. Рубеж преодолен. Размывшийся было мир вновь обрёл чёткость, и Мадина рискнула поднять голову.

Ведьмы с мальчиком в зоне видимости уже не было. Однако страх и желание просто лечь и больше никогда не вставать на время спрятались куда-то глубоко-глубоко, и на их место пришла странная уверенность. Уверенность в том, где

нужно искать брата.

Естественно, Мадина видела уведшую Азиса женщину впервые, но почему-то ей казалась, что эта бледная сероглазая гадина не местная. А значит...

«Братик! Ты вернёшься домой! Вернёшься! Даже если я не вернусь...»

Алина зашмыгала носом уже на обратном пути к «Амулету». Сочетание газировки со льдом и столика под кондиционером оказалось серьёзным испытанием для организма, хотя, казалось бы, температура воздуха не опускалась ниже двадцати двух градусов.

– Да ничего страшного, – успокаивал Саша, протягивая девушке одноразовый платок. – За ночь под одеялом согреешься

(«Может, убрать эту чёртову тумбочку куда-нибудь в коридор и сдвинуть кровати? Что я, в самом деле, переживаю? Всё же легко поправить...»),

– утром будешь как огурчик.

Использованный платок отправился в ближайшую урну. Идти до «Амулета» оставалось совсем немного. На дороге, у края тротуара, туристы заметили полупустой мешок с пёстрыми заплатками. Присмотревшись, Саша смог различить худые ноги и руки и маленькую чернявую головёнку. Мешок оказался сжавшейся в комочек девочкой лет восьми-девяти.

Пока парень разглядывал это чудо, Алина уже успела добежать до входа в гостиницу. Встав к лакированным дверям вплотную, она с усилием втянула ноздрями воздух.

Что-то не так. Девушка отошла к стене и вдохнула снова...

– Саша, я запахов не чувствую!

– Чего?

– Пыль на стене и лак на двери. Я их не чувствую! – и ещё раз шмыгнула носом.

– Не торопись, – попытался успокоить подругу Саша, – это может быть от нервов.

«Вот только короны ей не хватало! И так грёбаная принцесса, блин».

– Идём внутрь, там разберёмся.

Оказавшись в тесном, но аутентичном «перевалочном пункте», Алина, не замечая ничего вокруг, принялась рыться в чемодане, карманах и сумке и подносить к носу самые разнообразные пахучие предметы: денежные купюры, бельё – свежее и ношеное, вдыхать пудру из косметички. От последней девушка предсказуемо чихнула, но было сложно сказать, ощутила ли она запах или нет.

Затем Алина бросилась к холодильнику и проверила обоняние на палке колбасы. То ли запах полуфабриката действительно сумел пробиться к рецепторам, то ли самовнушение так подействовало, но надежда, что Алина не подхватила пресловутый «ковид», а всего лишь простыла, забрезжила с новой силой.

– Да не должно же быть такого! – подбадривая себя, девушка закрылась в ванной.

Одного носового платка явно оказалось недостаточно.

Саша тоже не терял времени зря. Пресловутая тумбочка отправилась в угол напротив холодильника. Пришлось, правда, переставить настольную лампу в выемку в стене. С кроватями пришлось повозиться чуть дольше. В конце концов, усталый, но довольный собой Саша рухнул на теперь уже двухместную кровать.

... То недолгое время, пока Алина носилась по коридору с палкой колбасы и потными майками, а красный от натуги Саша пыжился, сдвигая и выравнивая кровати в центр комнаты, в дверях молча стояла грязная и заплаканная девочка с разбитой коленкой. То ли насмотревшись на эту бессмысленную суету, то ли очнувшись от наваждения, словно вакуумом затянувшего её в переделанное под отель медресе, она огляделась. В одной из семи оставшихся непроверенными комнат находится чужеземка с холодными глазами, затягивающая на шее маленького Азиса губительную петлю.

Мадина не могла этого знать, могла лишь почувствовать. Но такие чувства не врут.

«Братик, где же ты?»

5

Град слабых, но настойчивых ударов обрушился на потемневшую резную дверь. Колотили словно в истерике. Находившиеся в комнате сразу заметили – кто-то осознанно, кто-то подспудно – что били немного выше уровня замка и дверной ручки, а не туда, куда люди стучат обычно...

Тёмная не терзалась размышлениями на сей счёт. Без видимого беспокойства она оставила дрожавшего мальчика («Сейчас вернусь» – услышал он шёпот у себя в голове), подошла к двери и, дождавшись перерыва между сериями ударов, открыла её, уже зная, кто стоял за несколькими сантиметрами дерева.

На пороге тяжело дышала покрасневшая от напряжения и выплканых слёз девочка в перепачканном платье. На коленке переливалась ещё не засохшая гранатовая кровь.

В открывшемся проёме Мадина увидела просиявшего Азиса; он сидел на застеленной кровати. Губы израненной девочки расплылись в мученической улыбке, но вспышка радости не была долгой: сумрачная тень вынырнула из-за двери и встала между детьми. Мадина испуганно подняла глаза.

Увидев уже знакомое лицо с невозмутимо взиравшими на неё двумя призрачными огнями, Мадина собралась с духом, оскалилась и закричала:

– Верни мне моего братика!!!

Вернее, попыталась закричать. Исполненные злобы и отчаяния слова застряли в горле, раздирая его изнутри словно разбитое стекло. Острая боль заставила девочку закашлять, словно после первой затяжки. Скрючившаяся Мадина не могла этого увидеть, но блеклые глаза мучительницы злорадно сверкнули, а уголки рта чуть натянулись. К тому моменту, как девочка справилась с подавившим её кашлем, улыбка с лица Тёмной уже исчезла, и над Мадриной вновь нависало безэмоциональное чудовище с горящими бледным пламенем глазами.

На такое детского самообладания уже не хватило.

«Пожалуйста!»

Мадина опустила голову, хотя изо всех сил старалась смотреть в лицо похитительнице Азиса, но слёзы беспомощности возобновились. Мальчик тем временем вскочил с кровати и собирался броситься к сестре, но Тёмная, даже стоя к Азису спиной, остановила его – жестом, медленным и жутким. Даже приветственный крик, готовый вырваться наружу, застрял в горле.

Неужели она заколдовала и Азиса тоже?

В одном из соседних номеров сонно зажёгся свет. Времени на раздумья не оставалось, и Анна вцепилась в запястье девочки и рывком втащила её внутрь. Дверь за спиной Мадриной захлопнулась, а сама она сразу же угодила в жаркие объятия младшего брата. Мадина почувствовала, что по её продрогшему телу мягко разлилось тепло. На веки словно

упали комки ваты, и невероятно сильно захотелось пристроить щёку на макушку маленького братика – и заснуть. Пусть даже и стоя.

Однако для мира и покоя время ещё не настало. Вспомнив, где она и почему, Мадина резко обернулась. Ведьма стояла между детьми и выходом.

«Два ребёнка. Их исчезновение создаст проблемы, – размышляла Тёмная, не обращая внимания на Мадину, в глазах которой страх мешался с отвагой. – С другой стороны, работа ещё не закончена...»

«Возьми меня вместо него».

Вздрогнувшая от собственной мысли Мадина снова опустила голову, готовая принять любую незавидную участь на себя. Азис, изо всех сил вцепившись в сестру, старался оттащить её подальше от жуткой женщины.

Анна, похоже, поняла, о чём подумала девочка. Она приблизилась к детям и наклонилась к Мадине.

– Вы мне не нужны, – бесцветно прошелестела Тёмная и прикоснулась к тонкому горлу девочки. – Когда всё закончится, ты и твой брат сможете уйти. Сидеть тихо и ждать! – Анна ушла к столу.

Мадина почувствовала, что спазм, не позволявший говорить, начал ослабевать. Чувство ватного, подавленного звука вокруг как будто тоже проходило. Она осторожно попробовала обратиться к брату, но вместо имени изо рта раздался сухой кашель. Звучный кашель!

– Ты меня... ты меня слышишь? – Азис коротко кивнул в ответ на сиплый шёпот сестры.

Глаза Мадины блеснули от радости, и она невольно усмехнулась.

Тем временем Тёмная Анна готовила в каменной ступке некую смесь, похожую на молотый красный перец. Дети перевели взгляд на спину женщины.

Книги и большая часть прочего содержимого Сардорова чемодана уже были на кровати, в то время как на столе лежали противогаз и туристическая горелка.

Мадина не могла видеть лица своей мучительницы, но была уверена, что ведьма улыбается.

Накопившаяся за день усталость взяла своё: едва Сашина голова коснулась подушки, тот уже с трудом мог пошевелиться. Шум проточной воды и звук, с которым Алина прочищала нос в ванной, терялись в зыбком мареве дремоты. Втайне жалея, что не пошёл на прогулку в одних трусах, Саша кое-как стряхнул с себя шлёпки и попытался освободиться от шорт с майкой, но запутался в процессе.

«Ну и чёрт с ними!» – мелькнула в голове мысль, и веки, тяжёлые как крышка крипты, закрылись, погрузив парня в плотную темноту.

Время потеряло значение: что пять секунд, что десять ми-

нут...

Запах то ли стирального порошка, то ли хлорки жёг ноздри. Морщась, Саша приоткрыл глаза, ожидая увидеть под боком контуры Алины: должна же та рано или поздно успокоиться и лечь спать! Увы, под боком лежало лишь одеяло. Под другим боком тоже было пусто. Тусклый свет пробивался сквозь полупрозрачное мозаичное оконце в двери ванной комнаты.

– Ты так себе нос до мяса прочистишь, – зевнул Саша и, решив всё-таки разобраться с шортами, потянулся к ширинке.

Вдруг Саша понял, что не только его пальцы снуют по бёдрам. Ловкие, почти бесплотные пальцы тоже пытались нащупать молнию и освободить парня от тяжкого груза. Встрепенувшись, Саша сфокусировал зрение. Слабый свет из ванной вычерчивал силуэт, напоминавший голову и плечи Алины. Волосы стоявшей на коленях девушки касались голеней специалиста по сближению кроватей, пока руки медленно, но верно стягивали шорты.

– Не думал, что ты решишься, – повеселевший Саша мягко ухватился за плечи подруги, чтобы помочь вскарабкаться на кровать.

Но Алину, похоже, мало интересовало что-то кроме содержимого Сашиних трусов, которые уже показались из-под джинсовой ткани и обнажили красную полоску кожи, всё это время скрывавшуюся от посторонних глаз под тугой резин-

кой.

В предвкушении Саша опустил ладони на затылок пассии.

Свисавшие со лба Алины пряди скрыли от глаз Саши дальнейшие манипуляции девушки, так что теперь он всецело полагался на свои тактильные ощущения.

И они его не разочаровали. Восклицания слетали с губ, пока руки, начавшие было гладить шелковистые волосы подруги, сползали на простыни. Казалось, почти вся кровь, которой полагалось циркулировать по телу, перетекла в член. Саша почувствовал, что превратился в белёсую студенистую массу, желеобразный кисель, и его легко поддевают изогнувшимся языком, словно десертной ложкой.

– Сладко, – донеслось до ушей со стороны Алины.

– Наслаждайся, ласковая моя... – простонал парень, терзаемый возбуждением, – ха-ах, ещё чуть-чуть... – и вцепился в края кровати.

Губы девушки аккуратно, но плотно сомкнулись на плоти, и напряжение вдруг спало. На секунду появилось ощущение как при вхождении в воды тёплого Чёрного моря: зуд, словно солёная влага чуть пощипывает из-за микроскопических трещин на коже. А затем тело ниже живота онемело.

«Что-то не так».

Саша открыл глаза.

Первым, что он увидел в полумраке, оказалось заполнившее комнату красное марево. Отблески уличного света в глазах Алины делали её взгляд похожим на взгляд оленя, вне-

запно выросшего перед машиной посреди ночи: столь же бессмысленный и жуткий. На стенах плясали бесплотные тени. Камень потерял свою вечную неизменность и покрылся рябью. Она сползлась в волнующиеся сгустки, и те меняли свою форму, выпирали из стен, словно нечто материальное.

Ткань мироздания истончилась, и из будто бы жидкого камня выступили лица. Гримасы отчаяния, похожие на отлитые из глины формы, проминали стены и становились всё более выпуклыми. Десятки голов смотрели перед собой ничего не видящим взором и, казалось, силились закричать: Саша почти слышал замогильный вой стен.

Алина подняла голову и наклонила её набок. Её пухлые щёки казались пухлее прежнего. Тревога, до сего момента смутная как в сюрреалистическом сне, теперь проклёвывалась наружу сквозь потрескавшуюся скорлупу дремоты. Промежность онемела. Глаза Саши медленно опустились, ибо он боялся того, что мог увидеть.

Понадобилось ещё несколько мгновений, чтобы парень поверил своим глазам: он стал похож на Кена, парня знаменитой куклы Барби.

Алина сглотнула.

Ужас смешался с горьким чувством обиды, и Саша не смог закричать; из его дрожащего горла вырывались лишь всхлипы, а глаза заслезились.

«За что ты так со мной?»

Девушка облизнулась. Чуть отодвинувшись от Саши,

Алина взглянула на свою правую руку. Даже завывания голов на стенах не могли заглушить мерзкий звук рвущейся кожи, с которым ухоженный ноготь на указательном пальце разросся в уродливый коготь, окрашиваясь кровью у корня.

Дождавшись, когда естественное оружие выступило из пальца на сантиметр или больше, Алина уперлась им в лобок теперь-уже-не-парня. Саша ощущал боль как сквозь деревянную дощечку, словно ему туда ввели анестетик. Кроважидная бестия не останавливалась на достигнутом; когда в тело упёрся кулак, Алина с трепетом вынула окровавленный палец и, хищно сверкая глазами от брызнувшего ей на грудь кровавого фонтана, с видимым наслаждением облизала его.

Трясаясь от горя, Саша повернулся на бок и закрыл лицо руками. «Не реветь при девчонке» – больше в нём от мужественности ничего не осталось.

– Бедный Саша! Надеюсь, тебе не очень страшно.

Измотанная борьбой с заложенным носом Алина вернулась в спальню и обнаружила, что та сильно преобразилась: тумбочка очутилась в углу, а две узкие кровати сдвинулись в одну широкую, двухместную. И на этой двухместной кровати лежал Саша. Глаза его были закрыты, лицо напряжено, а брюки приспущены. Ночь нельзя назвать совсем уж тихой; пока Алина разбиралась со своим носом, снаружи занялась

какая-то возня, – но до ушей девушки всё равно донёсся...
скулёж?

«Это что же такое должно присниться, чтобы такой храбрец как Саша скулил во сне... Ой, да он ещё и описался!»

Из ступора Алину вывел пронзительный визг, она вышла из номера, чтобы посмотреть, что же за балаган развернулся во дворе.

Ночь встретила туристку шумом и криками: отель стоял на ушах. Во всех окнах горел свет, где-то со звоном бились стаканы и зеркала; в отворённые настежь ворота неслись постояльцы в неглиже и работники ночной смены. Хозяйская чета замерла, прижимаясь спиной к стене между прачечной и кухней. Из распахнутых дверей валили клубы красного то ли пара, то ли дыма. А распахнутыми оказались практически все двери – кроме одной. К ней Алина и направилась, сама не зная зачем. Может быть, за ответами.

По мере того, как девушка приближалась к цели сквозь обжигающий ноздри воздух, реальность обрастала всё более и более жуткими деталями. Тени на стенах обернулись гигантскими комарами, что кружили над хозяевами, готовые в любой момент напасть. Лицо повара, с воплем ретировавшегося с кухни, напоминало пережаренную пиццу. От его рук валил дым, а сами они шипели, словно жирное мясо на сковороде.

Горничная, заметив появление нового участника безумного кордебалета, взвизгнула и ткнула пальцем в сторону

Алины. Но та, казалось, не верила своим глазам: не ощущая запахов, она как будто не чувствовала и страха. Мир вокруг был странным и гротескным, но каким-то ненастоящим.

Оказавшись перед манившей её дверью, Алина почувствовала слабый запах хлорки. Или средства от тараканов, не понятно. Губы сами собой растянулись в улыбке.

«Всё-таки не ковид!»

Туристка постучалась, и в том месте на двери, которого она коснулась, моментально образовалась заполненная слизью дыра, и из неё как по команде хлынули крошечные, но очень быстрые мохнатые пауки. За доли секунды они облепили всю дверь. В мыслях Алины сверкнуло короткое ругательство, но голова боится – руки делают, и девушка резко надавила на ещё не опутанную сетью тонких ножек ручку и потянула её на себя. Дверь поддалась.

К тому моменту, как Алина ввалилась внутрь, резкий запах дезинфектора уже окутал её с ног до головы и, возможно, впитался в одежду. Сердце девушки ёкнуло.

В глубине перепачканной кровью и желчью комнаты стояло человекоподобное существо. Его тело скрывал грязно-бурый балахон, а из спины торчали шипы и ребристые трубки, сходящиеся там, где на сером лице должен был быть рот – вместо него зияла кошмарного вида щель с сочащимся из неё гноем. Существо обернулось, и на Алину уставились бельма незрячих глаза. На усеянной обглоданными костями кровати, свесив кривые ноги, сидели существа поменьше. Их шку-

ры были покрыты жёсткими волосами цвета болотной тины. Из приоткрытых пастей выпирали огромные жёлтые клыки.

Заметив Алину, твари на кровати замерли, а затем та из них, что покрупнее, встрепенулась и гаркнула на меньшую. Не успела Алина с округлившимися от ужаса глазами податься назад, как маленькие чудовища спрыгнули с жуткого ложа и бросились к ней. Фигура в балахоне не шелохнулась.

Неудачный шаг – и Алина споткнулась о порог. Едва зацепившись за край дверной рамы, она чуть не упала затылком на каменный пол. Твари приближались. В ужасе, Алина закрыла лицо руками и отвернулась.

«Ма-а-а-ама-а!!!»

Однако вместо жестоких ударов когтями по мало прикрытому телу и беспощадных укусов, девушка ощутила лишь слабый, словно бы случайный толчок. Твари пробежали мимо неё, нырнув в свободное пространство в дверях, и почти моментально скрылись из виду.

Обернувшись, Алина увидела, что последний монстр уже направился к ней рваной походкой, посверкивая бельмами.

Во второй раз могло не повезти, и девушка, неловко переставляя ноги, вывалилась на улицу и бросилась наутёк.

Закрыв дверь на замок, Анна поправила противогаз и вернулась к столу. Из-за необходимости поскорее избавиться

от детей, ей пришлось проводить испытания впопыхах и почти без подготовки. Тёмная не была уверена, что ей удастся покинуть Узбекистан и вернуться домой с таким... специфическим грузом, но кое-что можно сказать точно: книги, инструменты и реагенты, купленные у местного торговца специями, были настоящими. Предок Сардора действительно был практикующим алхимиком, достигшим в своих изысканиях немалых успехов. Значит, Тёмной не придётся оставлять сбежавших детишек сиротами. По крайней мере, не в этот раз.